

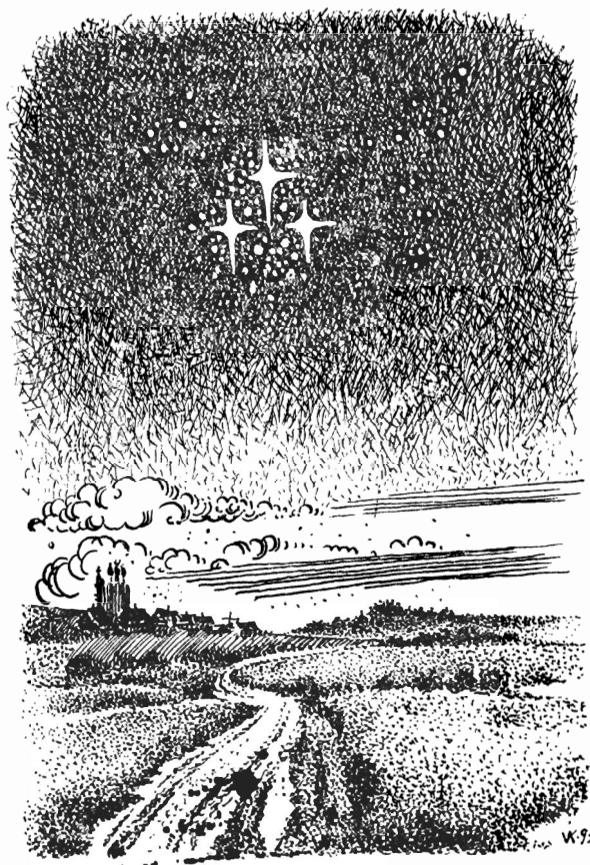
A black and white, high-contrast portrait of a man with a full beard and mustache, wearing a thick fur hat. The man is looking directly at the camera with a slight smile. The background is dark with some light spots, possibly snow or bokeh. The text is overlaid on the image.

Николай КОЛМОГОРОВ

ХЛЕБ ИСКАНИЙ
стихотворения

Поэтическая серия издается на средства
Кузбассоцбанка

84.2р
К 60

Николай
КОЛМОГОРОВ

ХЛЕБ ИСКАНИЙ

Дорогим маршмеллаем

98497

От всего сердца!

НОВАЯ КНИГА
СТИХОВ

Н Колмогоров

29 июля

19.972

Издательство «Сибирский книжник»
1993

МОСКОВСКАЯ

ББК 84.Р7
К 60

Книги Н. Колмогорова

«На земле светло», 1977., Кемерово.

«Дом», 1983 г., Кемерово.

«Травяное окно», 1983 г., Москва.

«Пора кучевых облаков», 1989 г., Кемерово.

4702010202-1

К ЛР № 030182 93 Без объявл.

ISBN 5-8434-0012

© Колмогоров Н. И., 1993

* * *

Я ехал ночью на коне
вдоль лесополосы, проселком
и по-над степью, в глубине
луна сияла над окошком.
Оплывший, одинокий холм
темнел таинственно, сутуло
и что-то светлое на нем
виднелось и к себе тянуло.
Поводья тронул я, и вот
стою на травяной вершине.
Широк июньский небосвод
и веет запахом полыни.
И освещенные луной
на обелиске невысоком
полны особой тишиной
слова о прошлом, о далеком...
Здесь красные бойцы врагу
в бою
не уступили пяди.
Здесь белые ряды во мглу
сошли святого дела ради.
Не поделив родной земли,
не кончив яростного спора,

и те, и эти полегли
в полынть великого простора!..
Россия-мать, пришла пора
понять пути
и тех, и этих,
коль вечно заповедь добра
живет на милосердном свете.
Ведь каждый из твоих сынов
за дымкой лет, за расстояньем
принес тебе свою любовь:
кто всею кровью,
кто изгнаньем!..

* * *

Сколько лет прошло, а кричит
мертвое лицо поэта!
И во лбу его кровоточит
рваная печать кастета.
Били доблестно, Мастера.
Мировых революций стражи!
И не в том беда, что вчера,
и не возле тюремной парашаи.
Нет, за страшную своей судьбой
выслали его поля родные.
И народ, льяной и рябой,
дал ему глаза голубые.
И ушел он, красивый как бог
молодых языческих пашен!..
И, подвешенный под потолок,
до сих пор безутешен, страшен...

* * *

Не пойте отвращенье к жизни,
хотя причин тому не занимать!
И если смута бродит по отчизне,
то так и надо это называть.
Полей и недр угрюмо разоренье.
Ответчикам — ни срама, ни суда!..
Но и над полной чашею терпенья
не разразись, проклятье, никогда.

* * *

Дорога к миру заросла штыками.
Не уступить и пригоршни земли.
И разговор ведется языками,
раздвоенными, как язык змеи.

И ужас этой жизни безобразной
невыносим не потому, что глух,
а потому, что Истиной прекрасной
себя избавил поверять наш дух.

* * *

Не та простота, что как снег с куста:
тряхнешь —
облетит.

И душа пуста.

На этой земле, повидавшей чудес,
немало мы слышали пышных словес.

И громко медовые речи лились,
и рай коммунизма построить клялись,
а черствый кусок не уходит из рук,
как будто вся жизнь —
заколдованный круг!

Не веря ни в Бога, ни в крест, ни в звезду,
забыли, стопу занеся в пустоту:
проста только правды глубинная соль,
да песня родная —
опора и боль.

* * *

О, если тьма не поборола свет,
так, значит, совесть не сошла на нет
и, значит, в том-то и была судьба,
что наша боль перемогла себя.

Но там, где речи всех временщиков
ушли в сучки на деревьях веков,
там надевали деды и отцы
колючей проволоки
тяжкие венцы.

И до сих пор этапом черных дней
идут — бредут колонны их теней,
как будто бы несут незримый крест
столетия предательств и надежд!..

А мне в моей доверчивой стране
как объяснить и сыну, и жене,
что это ради братства и любви
стоят все наши камни на крови?!

Что в эпохальных перекрытьях рек
не затерялся винтик-человек,
пока тепло и жилы наших рук
на пятилетки мерили вокруг?!

Но решето передовых идей
глядит глазами брошенных детей
и оправдания в настоящем нет,
покуда тьму не переборет свет.

За Россию громкие тосты
с ярою хулой перемешались!
Но простые помыслы чисты
и надежды светлые — остались.
Все сгорело то, чему сгореть.
Волки сыты, овцы уцелели.
Палачи спокойно околеть
без мучений видимых успели.
В этой страшной горестной стране
и такой же яркой и прекрасной
не напрасно выпало и мне
изболеться былью ненапрасной.
Тою былью вечно мы стоим,
мат и смрад колышутся густые.,,
Родина, прости меня живым —
мертвого не выразят живые!
На снега жемчужные твои,
на твои безвестные могилы
я молюсь твердынею любви —
в этом все причины и мотивы!..

* * *

**На полынном валу крепостном
белокаменный кремль наплывает
и тропа в полумраке лесном
ниткой тайны вперед убегает.
Через ельник и липы пройди,
и дыханье стеснится в груди:
это древнее, это родное!
Разве мыслимо что-то иное,
кроме — будто меж явью и сном! —
окруженного думами пашен
камня белых чешуйчатых башен
на полынном валу крепостном?!..**

* * *

Древний город, забытая быль,
все твои переулки и храмы
замела, пересыпала пыль,
обметали густые бурьяны.
Здесь венчался наследник царя,
здесь татары огнем проходили,
здесь морозной порой декабря
партизан безымянных казнили.
И как будто бы даже видны
у обрыва, где пусто и глухо,
тени виселиц прошлой войны
над рогожею русского луга.
Широко. Далеко. Высоко.
И сады одеваются цветом.
Но бывшее понять нелегко
по его настоящим приметам.
Середина России. Песок.
Голубые, последние ставни.
Не понять: кто ваял, кто берег,
кто взрывал
эти старые камни!..

* * *

Храм не храм, а как будто бы облако
и луга, и щетина лесов,
и следы позабытого волока
к горизонту, в страну праотцов —
вот такую, широкой и древнюю,
Русь, еще открываешься ты!
И люблю над твоими деревьями
звездный ворох ночной немоты,
Знать не знать бы, что где-то за далями
потрясен человеческий дух
и согнуло земными печальями
столько вдов и калек, и старух!
Но в пространстве, где плавают спутники,
и на тверди болящей, земной
узел жизни, завязанный судьбами,
напитался единой виной.
Потому над равниною мгlistою
нет мне радости и полноты,
и слезою своей материнскою,
Русь, еще омываешься ты!..

* * *

Настанет время уезжать,
накатит гул простора
и листья кинутся бежать
под вихрем с косогора.
И дрогнут вербы гущиной,
а поперек теченья
подернет мелкою волной
собора отраженье.
И свет высоких белых стен,
шеломы золотые,
и тени старых рвов, и день
пришествия Батыея —
все это схватится в душе
и загустеет тайной
на пограничном рубеже
реалий и преданий!
И прежде чем иглой в стогу
времен бескрайних кануть,
я на прощанье, как могу,
хотел бы сердцем глянуть
на колкий холодок стерни,
на столбик колокольни,
на все, во что навек вросли
вершины, ветви, корни...

Прости мне, древняя земля,
что не воспел как должно
ни эти гулкие поля,
ни даже куст дорожный.
Но уходя из этих мест,
я тем себя утешу,
что духу цельности окрест
хотя б поклон отвешу.

* * *

Из разного вчера мне ничего не взять.
Мелеют голоса, стираются обличья...
Что ж, молодость прошла, и дурака валять
постыдно, ~~ранше~~, как искать себе величья!
Так строго думал я и поднимался в гору.
И день перетекал в закат над головой,
И нитями туман тянулся по простору,
и коростель кричал в осоке луговой...
Еще, еще взглянуть на глубину природы,
на близкую луну у кромки сосняка,
на осыпи камней, на слюдяные воды —
как бы в последний раз —
легко, издалека!..

..Взглянул. И вниз иду. Широкая прохлада
ударила волной от леса, от низин!..
Да, молодость прошла. Но сожалеть не надо
о том, что в этот час
я знаю лишь один.

ИМЯ

Что ты, имя мое?

Лишь при жизни в тебе я нуждаюсь.

Да и то — среди людей,

да и то — среди родных и знакомых.

Узок смысл твой

весьма и весьма...

Кто я там, где холмы и деревья, и реки?

Кто я там, где согнулись хлеба золотые

низко долу,

и низко над ними в закате

на ночлег потянулись

безвестною горсткою птицы?..

Кто я там? —

Я всего лишь душа человека.

Так всегда.

И на древних базальтовых плитах,

где олени бегут

уж не первую тысячу лет,

нет нам имени тех,

кто насек этот ветер движенья,

Нет нам имени тех,

кто насыпал курганы в степи...

* * *

Малые тропы знают большую дорогу.
Твердые горы становятся мелким песком.
Так постепенно, таинственно и понемногу
движется время
почти незаметным шажком.
Я позабыл, как сидел на коленях у деда
нежным ребенком в тумане начальных годов.
Я позабуду, о чем протекает беседа
нынешних дней, современников и городов.
Движется время! Шумят голоса поколений:
князь перед битвой
полки ободряет свои,
маршал склонился над дымною картой сражений,
а космонавт —
над плывущим овалом Земли...
Место всему!

Но откроются звездные створы,
кончится жизнь... и увижу я сон дорогой,
как поднимаются твердые острые горы,
как рассыпаются мелкою пылью седой.
В жгучей пустыне, в гремящих пургою просторах,
больше не в силах поднять цепенеющих век,
снова я вспомню хороших людей, о которых
не рассказал
за один человеческий век!..

* * *

Бывает, время изберет кумира,
за ним толпа и перед ним толпа!
И он один, как на краю обрыва,
стоит, блестя испариною лба.
И не поймешь: то счастье или мука?
И кто он: повелитель или раб?
Душа его не выдавит не звука
и он молчит, как бы себе не рад..
Но узел чувств, но сила наших бдений —
он колебал небесную струну!
И воля всех страстей и настроений
не зря так властно стянута к нему!
Тщеславны люди. Каждый, прикасаясь
к явлению света, крошку оторвет
и заблестит, как бы и сам прославясь,
став на мгновенье гением в черед!..
Вот почему под необъятным небом
кумиров тьма, а откровенья нет.
И жизнь проста, как набежавший следом
восторга рокот и злословья бред.

* * *

Люди, птицы, деревья, снега —
это мысли, сошедшие наземь!
Тесен мир. И пустынен слегка.
Именами возрос — и не назван.
Все известно. А тайны вокруг.
Все сказали! Да есть оговорки.
Отзывается небо на стук —
это разум
крушит переборки!
Он встает из младенческих лет,
еще толком шагать не умея.
Человек исчезает, но свет,
свет его откровенья сильнее!
Горизонты иные видны.
И, от праздного взгляда сокрытый,
ослепительный скол новизны
спит в банальности
самой избитой.

* * *

Не спится чудаку весенней ночью.
Он в валенках выходит на крыльцо.
Береза распускающейся почкой
из палисада тянется в лицо.
Повсюду — над угорами, лесами
и в облаке раскинутых ветвей
насыпано бессчетными звездами,
одна другой кристальней и крупней!
И хочется ступить на темный воздух,
и зашагать неудержимо ввысь
над огородом в изгородях острых,
над избами, что в кучку собрались.
И дальние миры в потемках мая
на первый взгляд не так уж далеки.
И Млечный путь блестит, напоминая
недавний зимник около реки.
Как будто деревенские обозы
из розвальней, кошевок и саней
прошли гуськом по небу,
и морозы
сменились теплой тягою с полей.
И все, что сердцу сызмала родное,
опять зовет, волнует и томит.
И как заснуть, когда над головою
вся глубина безмолвия гремит!.,

* * *

По долинам, лугам половодье идет,
подпирает черту окоема.
Чья-то смытая изгородь
сиро плывет,
мелкий мусор лесной и солома. ~
С еще вязких полей
долетает в лицо
чернозема томительный запах.
И спешат старики на тепло, на крыльцо
в телогрейках своих,
будто в латах.
В каждой луже вокруг опрокинулся вид
синевы, что землей не вместима.
Одурев от весны, мокрогубо мычит,
месит грязь
возле фермы скотина!..
И такая во всем разлита благодать
и так вербы светло распушились,
что мерещится мне:
вот и люди, опять
подобрев, обнялись, помирились.

* * *

За воротами — сумерек страхи
и тайга обступает вокруг.
Как видение черной рубахи,
взмывший ворон берет на испуг.
Что там, что

по-за крайнею избою?

Это лошади смутным пятном
стабунились, и красной горою
свет вечерний угас над селом.
Жутко все и душа обмирает.
Все враждебно, все зыблется мглой!
Но какая-то тайна толкает
за разгадкой своей мировой.
И сначала дорога, а после
узкий волок, что глушит шаги,
поднимается к дальним покосам
под увалы,
останцы,
белки...

Выше, выше! До вечного снега,
до ребристого камня вершин!
Дотянуться ладонью до неба —
это ли не причина причин?..

ДАВНИЙ СЛУЧАЙ

Однажды майским утром два подростка,
два не разлей-водою стервеца
сбежали из дому от матери, отца,
уроков и учителей, и поучений,
и на родной реке плот шаткий сколотив,
пустились в путь со скоростью течения
меж берегов то низких, то крутых,..
Плывем! Плывем!..

А нежная струя
то ямою темна, то камешки покажет,
то блики облаков накатит, и тогда
нам кажется:

плывем мы где-то в небе
и даже чуть пугает высота!..

Но жизнь страшней.

И вот в какой-то миг
сквозь слой воды, за толщею ее
я вижу смутное, размытое лицо
и волосы, и очертанья тела,
лежащего недвижно в глубине...

Мне хочется кричать и не могу
глаз отвести от жуткого предмета,
причастного ко мне теперь, сейчас
какою-то своей ужасной тайной!..

— Утопленник! — выстукивают зубы.
И мой товарищ тоже цепенеет
от ужаса...

И мы гребем скорей
что было сил, что было сил отсюда —
к зеленым купам ближних тополей!..

Но даже там, на твердом берегу,
опомниться не можем, отходя
от столбняка жестокого испуга.

И, бросив плот,
бежим серединой луга
под серебром внезапного дождя,
короткого своим тугим полетом...

И помню я: в ту ночь, уже под сводом
родного дома спал я и не спал,
и весь в поту, с кошмарами боролся:
холодная рука меня с плота тянула
на дно реки!..

И страшно было мне,
и, задыхаясь, я должно быть звал
в полубреду тихонько: «Мама! Мама!..»
И в бесконечной черной тишине
она, услышав стоны, приходила
и ласково обняв, сидела рядом.
И, успокоясь,
вновь я засыпал.

* * *

Мой дом деревянный на взгорке
с зеленым двором в глубину,
дай снова оконные створки
ударом руки распахну!
Пусть ветром надуются шторы
и взгляду текут синевой
распадки, увалы, угоры,
тайга и туман луговой!.,
Вчера на закате широком,
когда пламенел окоем,
бродил я по этим дорогам
с вечернею тенью вдвоем.
Я, глядя на тихие дали,
почти что прощался с рекой
в какой-то кромешной печали,
в печали какой-то слепой...
Но утро! И заново всюду
дробится и тянется свет,
и гонит ночную остуду
таежному мраку вослед.
Серебряный верх косогора,
где мокро в траве от росы,
открылся в середине простора
куском потаенной красы!..

Не так ли серединою жизни
мне снова коснуться дано
бессмертного духа отчизны,
влетевшего в это окно?
Из ясных глубин поднебесья
не он ли донесся, как ток,
гармонии и равновесья
утраченный сердцем восторг?!..

В СТЕПИ

**Темной зеленью зарастут озера.
Как и тысячи лет назад,
будут лошади посреди простора
табуном дремать, спрятав жеребят.**

**В длинных сумерках пронесутся птицы
над степной водой, где плеснул сазан.
На краю земли в облаках зарницы
будут вновь мигать молодым глазам.**

**И, как встарь велось, в этой светлой тьме
молодежь одна долго и счастливо
будет ночь блукать от копны к копне,
от скамьи к скамье, обнявшись пугливо...**

**И опять в степи грянет гром цикад.
Темной зеленью зарастут озера.
И, как встарь велось, разгляжу: горят
семь огней ковша посреди простора!**

ЛИЦО

Как утренний луч просияло,
как хрупкая тайна пропало
за пестрою рябью других,
за рокотом листьев тугих,

Помедли! Но говор прохожих
обдал океаном похожих —
все канули в памяти. Но
запомнилось это. Одно.

Как утренний луч просияло,
коснулось, до сердца достало,
мгновением счастья вошло,
всю смертную желчь пережгло!..

...И — жизни частицею стало,
значение света внесло.

* * *

Весла бросим. Водная стремнина
лодку нашу медленно несет.
Тенью гор наполнена долина.
Долог свет развернутых высот.
В этих высях непрочтенной быльё
облако белеет, что укор...
И река без всякого усилья
наш с тобой заглаживает спор.
И никто на всей земле не знает
почему меж мною и тобой
тишина так много объясняет
над бегущей в сумерки водой.

* * *

Сколько солнечных дней
положил на алтарь,
сколько сжег одиноких ночей —
для того, чтобы сдвинулась дальняя даль
и пришел я к улыбке твоей.
Я велел навсегда отвернуться глазам
от вчерашних проступков моих,
чтобы снова проплыть по родным волосам
гребнем

в пальцах горячих твоих!

Но стоишь ты, как свет, за глубокой рекой
и закрыт, и заказан мне путь.
Потому-то смолчу и тяжелой рукой
только ворот сумею рвануть!
Эти ясные струи спокойной воды
ни рассечь, ни поджечь, ни пленить,
И прощенье твое
у последней черты
тайной женщины будет манить.

* * *

Гремучие башни грозы над рекой,
гряда тополей, отраженная в водах, —
все это изваяно тою рукой,
которую видно и в наших заботах.
Ее необъятный и мощный полет —
взгляни! — с одинаковой нежностью лепит
и темя ребенка, и старческий рот,
и дрожь табуна, и влюбленного трепет.
В просторах земли неожиданно, вдруг
единого смысла чудесная сила
откроется сердцу, и — сладок испуг! —
тебя озарением счастья пронзило!
Топорщится зелень в тугом тальнике.
Полотнами света уставлены чащи.
И весь Салтымаковский кряж вдалеке
от ливня блестит позвонками, как ящер!..
В такие минуты еще не понять
зачем из груди вырывается возглас:
— Родная природа! Материя — мать!..
И, тонкий, летит, улетает, как волос...

* * *

Доступное сегодня и сейчас
недостижимым делается завтра
и мудрость говорится только раз
не потому, что откровений жалко!
Остановивший камень над собой,
назавтра и снежинки не удержит.
И там, где правда рядится святой,
там клевета
без ножика зарежет.
И побелеешь до корней волос,
но золотое правило возлюбишь,
что в этой жизни все наперекос,
пока слова делами не искупишь.

* * *

В твой пантеон, Единая природа,
я, человек, с пылинкой наравне
приду молчать... И лучшего предлога,
чем смерть сама, уж не придумать мне.
Но что есть смерть?

Зачем животным страхом
гнетет она и души, и умы?

Я знаю: здесь меня проводят прахом —
ребенком встретят за порогом тьмы!
Все будет вновь под солнцем и под громом,
где было все — и ровно ничего!

И в старике, так радостно знакомом
узнаю, вздрогнув,
сына моего,

О, сколько облаков! Светла сквозная тень
над городом моим, над горсткой деревень.
Вновь учится шуметь прозрачная листва
на крепких деревьях еще едва-едва...
На крепких деревьях живут наречья птиц.
Так вот где лягу я, вздохнув, на землю ниц!
Услышу голоса травы, судьбы, дорог —
тех самых, где прошел и где пройти не смог.
О, дальние, скажу, я знаю ваш укор
за то, что не дошел до самых крайних гор,
до ледяных морей, до сумрачных пустынь,
до чистой вышины сверкающих твердынь!
По звездным чертежам я начал строить дом —
он превратился в дым, и, видно, поделом.
Как дым, он улетел как детские мечты,
и я не воплотил основы простоты...

КЕНТАВР

Когда раздвоилось сознание,
он чашу судьбины испил
и этого мира названье,
казалось, навеки забыл.
Вот, голову вскинув повыше,
он в мертвую реку вошел,
поплыл наудачу и вышел,
и новую почву обрел.
Свою первобытную участь
всей грудью на запах вобрал,
и вещей космический ужас
его до кишок обуял!
Нагнулся к течению, глянул,
а в струях тяжелых, как сон,
косматою тенью отпрянул
двойник с человеческим лицом.
«Кто чудище это? О боги!
Что вижу, что слышу вокруг?» —
он вскрикнул, И конские ноги
всей дрожью почувствовал вдруг.
Свершилось души превращенье
и тьма затонула во мгле!
И вздыбленное отраженье
река понесла по земле.
А там, на равнинах зеленых,
где свечки окошек зажгли,

двенадцать созвездий знакомых
из-за окоема взошли.
Там с полюса, как зеркалами,
играет сиянье широт.
И лишь по оврагам снегами
зима до июня живет...
Он вздрогнул, он вспомнил родное
и, памятью духа скорбя,
рванулся!..
Но время живое
уже обновило себя.
Столетий багряные травы
не раз прошумели стеной.
Не раз поднимались державы
и снова ушли в перегной.
Пределы страстей и желаний
под мельничный жернов легли
и стали мукою преданий
на равных — рабы и цари!
О время!..

И прошлого звуки
не в силах из сердца стереть,
от невыносимой разлуки
он вновь захотел умереть!
Но вечной поры колесница
уже поджидала у врат...
И так он заглядывал в лица,
как будто был сам виноват.

* * *

В дубовый южный лес подняться по тропе,
по сросшимся холмам, что обступили город,
войти в сквозную тень, и лишь на высоте
почуять ветерок, сбегаящий за ворот.

Измучила жара, чужая синева,
огромный солонец пылающего неба
и громкая, как жечь, колючая трава,
всей зарослью своей цепляющая слепо.

Не так, не так у нас!

В каком-нибудь бору,
в каком-нибудь березняке прохладном
легко сейчас бродить, сминая мураву,
и вспоминать о чем-то невозвратном.

И вспоминать, быть может, этот край
и раскаленный день, и в отдаленье —
как будто за стеклом! — глухой собачий лай,
пробившийся из горского селенья.

* * *

По низинам прохлада течет,
воронье замолкает над лесом...
Незнакомый обходчик пройдет,
молотком ударяя по рельсам.
От разъезда и вдоль полотна
пролегла полоса полусвета
и глубокая нива видна
золотым завершением лета!
Отстоялась, утихнула ширь.
От деревьев — гигантские тени!
И белес по-ребячьи ковыль,
и еще не обрушилась темень...
Нет, пока собирается мрак,
нужно думать о жизни без края,
стиснув горькую землю в кулак,
в просветленных слезах утопая!..

* * *

В дверь постучали. Открыл.
Темень кипит за порогом.
Рваною несметью крыл
вьюга метет по дорогам.

— Кто там?..

Молчанье в ответ.

Только лишь хлопья роятся,
рвутся из мрака на свет
и ничего не боятся.

— Кто там? Открыто тебе!..

Снова молчит неизвестность.

Эта минута в судьбе
тянется, как неизбежность.

— Я человек, я боюсь!..

Кто ты? Врагом или другом?..

Нет никого. Ну так пусть!

Жизнь

освежила испугом!..

* * *

Как женщина сердится, в бурных кудрях
увидев серебряный волос,
так ходит смятением даль октября
и носится лиственный ворох.
И крупные волны по плесам идут
напористо и необъятно!..
И кажется, мир выпадает из рук —
все кончилось, все непроглядно!
Как будто бы старость стоит за спиной
и зеркало меркнет, пугая...
А этой великой печали виной —
всего лишь наметка седая.

* * *

Осенней бури краткие часы
мне хорошо встречать под листопадом!
Забывтое волнение души
открылось просветлевшим перекатом.
Вновь рокотом столетних тополей
до чердаков наш пригород озвучен
и грозный ветер северных полей
остановил течение излучин.
Он разметал по саду шапки гнезд
и где-то ахнул кровельным железом,
и перелески выстудив насквозь,
вздымает пыль над угольным разрезом!
Одежда лета рвется и ревет.
И кажется, вот-вот остервенело
он и меня в воронке вознесет,
покажет мир...
и вырвет дух из тела!

НА ВЕЧЕРНЕЙ ОКРАИНЕ

Не исчезай, виденье благодати!
Не угасай, широкая река!
Еще стрижи мелькают на закате
и розовеют нежно облака.
Как высоко, как празднично, как редко
они плывут и рдеют изнутри!
И тень домов, очерченная резко,
в полынные упала
пустыри.
Направо — бор зелёною скобою.
Налево — свалка, чадные огни,
труба перекликается с трубою,
заводы прокопченные видны...
Все захолустье бедного пейзажа,
чьи берега в бутылочном стекле,
полно знакомой горечи, но даже
и это
объяснимо на земле.
А светлый миг, а таинство общенья
души с небесной чистой вышиной
полно совсем обратного значенья
необъяснимой радости живой.

* * *

Дождливое утро...
В черте огорода
водою полны отпечатки подков.
Ботва допревает.
Закрыты ворота.
Заклепаны золотом крыши домов.
Мила эта морось последней прохлады.
Аукнуться мысли!
И кажется: вот
свинцовыми галками с гребня ограды
от громкого слова
обрушится год.

ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Столько земли распахал, перебрал,
перевернул, перетер в ладонях,
так разговаривал с ней, объяснял
что-то свое, чего я не понял.
Так проникался и так умел
тайну ее понимать живую,
что постепенно сам потемнел,
слился с нею,
вошел в родную...

Тяжелые сдвинулись тучи
и грянуло громом с небес.
И стало темно и дремуче,
где с полем встречается лес.
Под елью косматой, глухою
успел я укрыться, когда
накрыло стеной водяною
июльские наши места!..
Но лето есть лето. И снова
от просеки тянется шум
и бревна с повала лесного
трелевщик везет наобум.
Ломая сосновую молодь,
круша, раздирая кусты,
ревет торжествующий молох
и рваные тянет следы!..
А с края у поля горошка,
где шире блестят небеса,
лежит, как зеленая брошка,
прибитая льдом стрекоза.
Картечью хрустального града
пораненный гнется овес.
Но нет земле ни разлада,
ни даже намек на ложь.
Смолкает железное эхо
и снова кругом тишина...
Как будто рукой человека
природа не оскорблена.

Когда пальцы мои загрустят по любимой,
как по теплому свету

невзрячий тоскует... еще и еще,
где увижу я образ, где облик увижу родимый
и кому поцелуями неловко осыплю плечо?

Чьи стыдливые груди огрубевшей ладонью
в боровой землянике, затрепетав, найду?

Лебединую шею чью

с улыбкою вспомню,
когда лебеди дней закричат на далеком пруду?

Кого возьму на свои колени?

Чью сладостную родинку нежно увлажню языком?

И слезы осушу, и соберу печальные тени
на любимом лице, о котором скучаю тайком?

И что мне ноги мои, если не доведут к прохладе
возлюбленного родника ее наготы?

И что мне руки мои, если эти тяжелые пряди
не прольются в горстях

откровеньем ночной темноты?

Это ее, желанную, из грозовой зарницы я вылепил,
полевые рвал васильки, лесные колокольчики мял,
из корзины куста голубого жимолость высыпал,
отцветающие купавы, сгребая к губам, целовал.

Алые маки в горах окликал ее именем,
приносил ей папоротник, ландыши и кипрей,
листьями лопуха укрывал, умывал утренним инеем,
от вечернего ливня прятал в одежде своей!

Это ей... воробьи моего нетерпения,

разговора моего овсянки, малиновки и дрозды,
дятлы настойчивости, зимородки изумления
и все певчие птицы

в водоворотах кипящей листвы!

О, какие болота накликали эту разлуку?

Помню: осень входила в долину души

и недоверия полз

узко скользнул под прозрачную руку

любимой!..

И лес замолчал, будто остановились часы.,.

* * *

Даже бледное Черное море
драгоценной шумит бирюзой.
Даже в этом домашнем просторе
ощутим океан мировой.
Ну, а что говорить о великом,
о самом океане, когда
он встает ослепительным ликом
бесконечного снега и льда?
Или весь водяными горами
на скалистые горы идет
и леса отрывая с корнями,
непонятную песню ревет?..
Даже Черное море, серчая,
бледно-серою галькой гремит
и толпу с побережья сметая,
тяжко бьется в бетон и гранит!
А покой океана безбрежный
тем и дорог в загадке своей,
что почти умещается в нежной
завитушке ладони твоей.

* * *

За дождей последних осыпью
чувствуется близкий снег.
И изрыты желтой оспою
берега лесные рек.
Внутренним огнем насыщенный,
воздух отстоялся вглубь
и на эхо стал отзывчивей
час, который сердцу люб.
Час, когда виднее издали
жизни пройденная часть,
острова, селенья, пристани,
где играл на плесах язь.
Или то, как ты, родимая,
как, родная, любишь ты
лето — еле различимое,
зимородка у воды.

* * *

От странной мысли вздрогну иногда:
на эту землю, где мороз и вьюга,
мы сметены с небесного листа,
чтоб мучиться
и не жалеть друг друга!

Но точно также сердце говорит:
на эту землю, где мороз и вьюга,
где столько зла, где позабыли стыд,
мы посланы,
чтоб полюбить друг друга!

* * *

Еще мы рядом в лучших снах,
но провиденьем ясным свыше —
уже на разных берегах
один другого не услышим.
Что было тайным для других
и явным — только между нами, —
то стало горсткой дорогих,
темнеющих воспоминаний.

* * *

Слова ненависти прозвучали.
А где же слова любви?
Сколько сказано их в начале,
где-то в юности среди листвы!
Век прошел. Изменились ли люди,
убивая друг друга вокруг?
А твои полнолунные груди
как забыть в перекрестии рук!
Этот жест, как извечное право
всей стыдливой твоей наготы
рассказал мне о большем, чем слава
и продажная власть суеты.

* * *

Свернулся день. Синее окоем.
На эту даль и у меня не хватит
размаха рук!
И долго над жильем
стоят дымы, но ветер их разгладит.
Простая суть, А вот и не обнять
заветы неба и родные боли!
И долго будет желтым догорать
кусок стерни на опустелом поле.
И вновь пойму я снова для чего
тоска любви из прошлого явилась,
но облика родного твоего
не удержу, где сердце отступилось...

* * *

Холстами белыми упали холода,
но снега нет, а только толстый иней.

И далеко от каждого куста
ложится тень

по этой первой стыни.

Трава ломка, свалаялась и хрустит.

Голым-голо, и потому щемяще.

И лишь камыш, что надо льдом стоит,
зелено-свеж

и густ не настояще.

И мерзнут руки медленно, хотя
не высоко, но освещает солнце
все, что я вижу, молча проходя
над озерком, похожим на оконце.

За сорок лет, что на земле живу,
не надоели сердцу, не приелись
пласты полей, бор темный на яру,
где заросли калины раскраснелись...

Зазимок тих. И в этой тишине
еще древней, слепительней светило!

И молодой соломы на стерне
блестит везде
энергия и сила.

Молодые снега налетели,
белый ворох шумит по земле!
В этой первой слепящей метели
я пойду по-навстречу зиме.
Здравствуй, здравствуй, знакомая местность!
Перед светом лица твоего
не страшна пешеходу безвестность
и не значит она ничего.
Не безвестность угрюма собою,
а бесславное дело, когда
разменялся на злобу душою,
изолгался в себе навсегда.
Для чего?.. Как нельзя раздвоиться,
так и небо нельзя обмануть!
Потому говорю: да свершится
лишь один предназначенный путь:
этот снег, это шумное бремя
облаков, от которых бело,
этот век, это новое время,
как бы мы не ругали его!..

СОН

Давно, в почти забытом сне,
неясною мечтой ведомый,
я шел по северной стране
равниной талой, незнакомой.
Была весна. Пернатый шум
одел полнеба облаками,
и тысячи беззвучных дум
пульсировали родниками!..
Но вот Единый океан
прозрачной бездною открылся
и, бросив лук свой и колчан,
я на колени опустился:
«О, истина! К тебе нельзя
приблизиться, не сняв оружия!
И мысли черные — не зря —
тяжки живому, как удушье.
Пусть для тебя различий нет
кто друг и враг, но я пристрастен
к тому, чем в жизни был задет,
чем уязвлен, и чем обласкан.
Я знаю: тайны бытия
страшат, пока нет веры в дело!
Скажи: зачем родился я?..»

Но только чайка пролетела.

* * *

Жизнь — это медленное скуденье
детского, юношеского удивленья!
Это стирание новизны
ошеломлявшей когда-то весны.
Это всего
позабыванье
и расставанье, и воздаянье
малому — хлебом,
старому — солью.
Реже радостью, чаще болью.
Как озаряется небо луной,
так голова — молодой сединой.
Юность мостит —
зрелость простит.
Жизнь — это медленный переход
из настоящего —
в анекдот.

* * *

Я устал... Но кому интересно?
Каждый честный простой человек
испытал, что ему лишь известно,
да не скажет об этом вовек.
И устали пылиться дороги.
И согбенный в фуфайке старик
всею старостью смотрит под ноги,
с каждой рытвиною говорит.
Все сильней и сильней притяженье.
Мать — земля! Поднимаясь на склон,
непонятно в какое мгновенье
с темным взгорьем сольется и он!
Там деревня, поселок иль город —
все едино под небом судьбы!
И реки цепенеющей холод,
и нагие кусты, и дубы...
И усталость еще не причина,
чтобы жалоба стала слышна,
чтобы все, что под небом едино,
ни покоя не знало, ни сна.

С грядою гор, холмов по окдему,
с погудкой ветра вдоль по целине —
велик Алтай! И легкую солому
его созвездий видно в вышине.

В большой тулуп, в горячую овчину
закутавшись, я выхожу туда,
где, проломив граниты,
на равнину

врывается катуньская вода.

Она, пройдя зальделыми хребтами,
мятется перекрученной струей
и снизу сел, огрузнувших огнями,
как драгоценность, тянет за собой!..
Огни, огни...

Нечастые их горстки

родны глазам, как снег и тишина.

И где-то там полуночные Сростки
одеты белым вздохом Шукшина.

И где-то там, за дальней темнотою,
другой реки студёный рокоток —

и вот сошлись плёсучею рудою

Катунь и Бия — в Обь, в ее поток!

А ниже, ниже, ниже по просторам,
где немота на степи налегла,

уже ничто не различимо взором

и только ночь

отчизну вобрала..,

* * *

Светлы березы. Воздух чист.
Далекий лыжник вглубь скользит.
И неоглядный снег пушист,
и тонким холодом сквозит.
Там деревушек сонный посвист,
кнута над розвальнями охлест.
У горизонта — солнца просвет,
Зеленой нитью бор стоит...
Молчат поля. По дну оврага
сверкает льдом былая влага.
Лисицы след ночной, глубокий
в немые заросли спешит...
И древний холм, его сиянье
влечет к себе сквозь расстоянье!
Вновь на вершину восхожу
и в душу родины гляжу.

РОДИНЕ

Ряды твоих святых, их нимбы золотые
да охранят тебя во времена лихие!
На полчища когтей, на заговор клыков
пусть мертвый сон падет из белых облаков.
Пусть светлая руда быстротекущих дней
омоет наготу наивности твоей,
и этот страшный век, пожравший сам себя,
запомнится как гром Господнего суда.
Ведь все, что на земле случилось и случится,
все, что на жизнь и смерть о камень дней двоится,
все это эхо лишь, все отзвук болевой
мятущихся пространств, где пышет вечный бой.
И ты в рыданьях дней, носимая как в море,
терпением жива, и все твои недоли,
что пламя у холма, что пропасть у дверей,
до сердца вопиют привычностью своей!
Но сказано уже: всему пролиты сроки.
Затемнены глаза, запутаны дороги,
и все же час настал, Спаситель поднял щит
на битву с сатаной — и Светом победит.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я ехал ночью на коне...»	5
«Сколько лет прошло, а кричит...»	7
«Не пойте отвращенье к жизни...»	8
«Дорога к миру заросла штыками...»	8
«Не та простота, что как снег с куста...»	9
«О, если тьма не поборолa свет...»	10
«За Россию громкие тосты...»	11
«На полынном валу крепостном...»	12
«Древний город, забытая быль...»	13
«Храм не храм, а как будто бы облако...»	14
«Настанет время уезжать...»	15
«Из разного вчера...»	17
Имя	18
«Малые тропы знают большую дорогу...»	19
«Бывает, время изберет кумира...»	20
«Люди, птицы, деревья, снега...»	21
«Не спится чудаку весенней ночью...»	22
«По долинам, лугам половодье идет...»	23
«За воротами — сумерек страхи...»	24
Давний случай	25
«Мой дом деревянный на взгорке...»	27
В степи	29
Лицо	30
«Весла бросим...»	31
«Сколько солнечных дней...»	32

«Гремучие башни грозы над рекой...»	33
«Доступное сегодня и сейчас...»	34
«В твой пантеон, Единая природа...»	35
«О, сколько облаков!..»	36
Кентавр	37
«В дубовый южный лес...»	39
«По низинам прохлада течет....»	40
«В дверь постучали. Открыл...»	41
«Как женщина сердится, в бурных кудрях...»	42
«Осенней бури краткие часы...»	43
На вечерней окраине	44
«Дождливое утро...»	45
Земледелец	45
«Тяжелые сдвинулись тучи...»	46
«Когда пальцы мои...»	47
«Даже бледное Черное море...»	49
«За дождей последних осыпью...»	50
«От странной мысли вздрогну иногда...»	51
«Еще мы рядом в лучших снах...»	51
«Слова ненависти прозвучали...»	52
«Свернулся день. Синее окоем...»	53
«Холстами белыми упали холода...»	54
«Молодые снега налетели...»	55
Сон	56
«Жизнь — это медленное скуденье...»	57
«Я устал... Но кому интересно...»	58
«С грядую гор, холмов по окоему...»	59
«Светлы березы. Воздух чист...»	60
Родине	61

Литературно-художественное издание

Колмогоров Николай Иванович

Хлеб исканий

Новая книга стихов

Художник В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манохина

Сдано в набор 10.03.93. Подписано к печати 23.09.93. Формат 60×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-изд. л. 1,79. Тираж 1200 экз. Заказ 1472. Цена договорная.

Издательство «Сибирский родник»,
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.
650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40.
Типография УВД.

КЕМЕРОВО